

«ПИСЬМА СТОЛИЧНОГО ДРУГА К ПРОВИНЦІАЛЬНОМУ ЖЕНИХУ»

И. А. ГОНЧАРОВА И МОДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

И. А. Гончаров в серии очерков «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1840) создал интересную классификацию модных типов в российской светской жизни. Сам Гончаров имел репутацию денди: он носил визитку, серые брюки с лампасами, прюнелевые ботинки с лакированным носком, короткую цепь для часов с замысловатыми брелоками. Прототипом адресата послужил его старший брат, которого Гончаров взялся обучать «умению жить».

«Умение жить» для автора писем - тонкая наука, подразумевающая и искусство следить за своей внешностью, и светское обращение, и определенный нравственный настрой. Первый тип модника в его системе - «франт», который уловил только самую простую сторону умения жить: способность безукоризненно одеться. «Чтобы надеть сегодня привезенные только третьего дня панталоны известного цвета с лампасами или променять свою цепочку на другую, он согласится два месяца дурно обедать. Он готов простоять целый вечер на ногах, лишь бы не сделать, сидя, складок на белом жилете; не повернет два часа головы ни направо, ни налево, чтоб не помять галстуха». Франт одевается для собственного наслаждения, хороший костюм для него - абсолютная ценность, и высшей наградой для него служит завистливый взгляд или комплимент «такой-то всегда отлично одет». Ради этого он может пожертвовать собственным удобством и телесными нуждами. Подобное пренебрежение своим телом сразу обнаруживает несамодостаточность франта.

Лев, в отличие от франта, овладел уже всеми внешними сторонами умения жить. Костюм для него - не самоцель: «Он никогда не оглядывает своего платья, не охорашивается, не поправляет галстуха, волос; безукоризненный туалет не качество, не заслуга в нем, а необходимое условие. Он исполнен небрежной уверенности, что одет изящно, сообразно с мгновением не текущей, а рождающейся моды». Лев уделяет равное внимание всем аспектам модной жизни: он хорошо ест, курит самые лучшие сигары, у него дома - стильная мебель. Он - лидер моды: ему всегда подражают, потому что он чувствует, что будет в моде завтра. Именно Лев ближе всего в классификации Гончарова западному типу денди XIX века, представленного Брамеллом и графом д'Орсе. «На льва, говорю, смотрит целое общество: замечают, на какую женщину предпочтительно падает его взгляд, и та женщина окружена общим вниманием; справляются, какой из привезенных французских романов хвалит он, и все читают его. Наконец, проникают в его домаш-

ний быт, изучают его мебель, бронзу, ковры, все мелочи, перенимают привычки, подражают его глупостям».

Привычки льва уникальны, и он всегда недостижим для подражателей. В этом пространстве он обладает свободой и доверяет своим инстинктам. Для льва очень важно все время быть в центре внимания: «это блистательная, обширная претензия: не теряться ни на минуту из глаз общества, не сходить с пьедестала, на который его возвел изящный вкус».

Показательно, что Гончаров использует по отношению ко льву то же самое словечко «хамелеонство», которым Плутарх характеризовал Алкивиада. Переменчивость вкуса льва, умение приспособливаться к различным условиям роднят его с модниками отдаленных эпох и, кстати, придают его образу нечто женское. Хотя лев во многом определяет мнение толпы, он, в свою очередь, от него зависим.

Следующий типаж в системе Гончарова, напротив, больше ориентируется на собственные потребности. Это человек хорошего тона, который также обладает тонким вкусом и разбирается в изящных мелочах, но при этом все делает не ради эффекта, а ради личного комфорта, просто потому, что ему так больше нравится. Человек хорошего тона может позволить себе разные отступления от моды: «Например, иногда подробности своего туалета он предоставляет попечению камердинера или портного, пропустит какую-нибудь моду; может курить те сигары, к которым привык, обедать, завтракать, выбирать и забирать вещи, где ему кажется хорошо, руководствуясь своим личным вкусом».

Но самое главное, что отличает человека хорошего тона, - это врожденный такт, искусство обращаться с людьми. Он овладел, с точки зрения Гончарова, не только внешними, но и внутренними аспектами умения жить. Хороший тон заключается в умении держать себя в людях и с людьми *как должно, как следует*. «Человек хорошего тона никогда не сделает резкой, угловатой выходки, никогда не нагрубит, ни нагло, ни сентиментально ни на кого не посмотрит, и вообще ни с кем ни в каком случае, неуклюже, по-звериному не поступит. Он при встрече в первый раз с человеком не обдаст его, ни с того ни с сего, ни холодом, ни презрением, не станет и юлить перед ним; не попросит у него денег взаймы и, разумеется, не даст и своих»... Если лев порою может быть застигнут врасплох и сбросит маску учтивости, то человек хорошего тона всегда сумеет отделаться от неприятных людей тонкой и ловкой манерой, внешне соблюдая правила приличия.

Частично черты человека хорошего тона в обрисовке Гончарова совпадают с типологией дендистского характера. Прежде всего, это касается императива сдержанности, запрета обнаруживать собственные переживания (вспомним хотя бы наставления князя Корозова Жюльену Сорелю). Отсюда очень распространенный упрек в бесчувственности: «Ты скажешь, что это кукла, автомат, который для приличия выбросил из душонки все ощущения, страсти». Но Гончаров заступает за своего героя - «Нет, не выбросил: он только не делает из них спектакля, чтоб не мешать другим, не стеснять, не беспокоить никого в беспрестанных, ежеминутных столкновениях с людьми: того же хочет и ожидает от других и для себя». Мы видим, как стоическая холодность денди превращается в толковании Гончарова в кардинальную заповедь интеллигентного поведения.

Эти правила хорошего тона, и в частности императив мужской сдержанности, были азбукой поведения русского дворянства на протяжении всего XIX века. Сошлемся на материалы О. С. Муравьевой: «Умение скрывать от посторонних глаз “мелкие досады и огорчения” считалось обязательной чертой воспитанного человека. К. Головин, вспоминая о князе Иване Михайловиче Голицыне, считавшемся “одним из лучших украшений петербургских гостиных”, пишет: “Его неутомимая любезность никогда не становилась банальной и никогда не уступала место раздражению”. Между тем все знали, что князю “было от чего раздражаться”, - жизнь его вовсе не была гладкой и беззаботной».

В данном пункте русское дворянство буквально следовало заповедям хорошего тона, разработанным в европейском светском этикете. В России были очень популярны, к примеру, письма лорда Честерфилда к сыну, в которых британский аристократ подробно разъяснял именно эти аспекты светского поведения. «Заповеди света учат нас, в частности, двум вещам, причем и та и другая необычайно важны, а природной склонности ни к той, ни к другой у нас нет: это - владеть своим настроением и своими чувствами. Человек, у которого нет *du monde* (светскости), при каждом неприятном происшествии то приходит в ярость, то бывает совершенно уничтожен стыдом, в первом случае он говорит и ведет себя как сумасшедший, а во втором выглядит как дурак. Человек же, у которого есть *du monde*, как бы, не воспринимает того, что не может или не должно его раздражать».

Однако при всем европейском лоске гончаровский человек хорошего тона может быть небезупречен в моральном отношении. Он - «герой приличий», но не «герой нравственных правил» и спокойно может, соблюдая

внешние условности, пойти на обман, не отдать долг или смошенничать при игре в карты, нарушая тем самым кодекс джентльменской чести.

Ему противостоит именно в моральном плане последний типаж в классификации Еончарова - порядочный человек. В нем воплощено «тесное гармоническое сочетание наружного и внутреннего, нравственного умения жить», причем последнее доминирует. Как и человек хорошего тона, он никогда не нарушает внешних приличий, но его изящные манеры проистекают из подлинной душевной деликатности и врожденного чувства справедливости. Он не станет обманывать или как-либо еще нарушать принципы нравственного умения жить. (Здесь будет уместным вспомнить, как Пыляев оправдывал князя Куракина, говоря, что он за всю свою жизнь не оскорбил никого - этот критерий, безусловно, остается решающим и в XIX веке.) Еончаров признает, что его последний тип почти идеален, но, тем не менее, уверен: чтобы жить среди цивилизованных людей, необходимо быть порядочным человеком, «потому что избранное, изящное общество везде, на всей земле одно и то же, и в Вене, и в Париже, и в Лондоне, и в Мадриде. Оно, как орден иезуитов, вечно, несокрушимо, неистребимо, несмотря ни на какие бури и потрясения; так же, как этот орден, оно имеет свое учение, свой, не всем доступный устав и так же держится одним духом, несмотря на мелочное различие форм, одною целию всегда и везде - распространять по лицу земли великую науку - умение жить».

Эта утопическая картина, заметим, неизменно повторяется в русской культуре как идея благородного духовного братства. Но если во времена Гончарова эта идеология еще имела сословный характер и увязывалась с аристократическим происхождением, то позднее, с укреплением среднего класса в России, подобные установки объединили более широкий круг образованных и трудолюбивых людей.

После революции, когда о дворянской идеологии и упоминать стало опасно, порядочность и цивилизованные манеры, то есть «нравственное умение жить», по Гончарову, составили кредо интеллигенции и в процессе воспитания передавались в интеллигентных семьях из поколения в поколение как жизненная философия, помогая многим людям выстоять и не потерять достоинство в самые трудные моменты. Несмотря на все испытания, которые выпадали на долю многих лучших представителей отечественной интеллигенции, они не утратили ни жизнерадостности, ни любезности обращения, ни живости ума - достаточно почитать мемуары людей, прошедших через сталинские лагеря.

В системе Гончарова иерархия типов по этическому критерию описывается по восходящей. Невооруженным глазом видно, что сам он больше всего уважает порядочного человека и меньше всего - франта. Но налицо и иная любопытная градация: по мере подлинности характера и полноты умения жить. Франт все время как будто притворяется, он подражает льву, но не является им на самом деле. Лев, в свою очередь, более полно владеет умением жить, но и его можно застичь в моменты растерянности, когда он не всегда удачно имитирует поведение человека хорошего тона. А последний, в свою очередь, ориентируется на порядочного человека, который единственный постиг и внешние, и внутренние стороны умения жить и отличается неподдельной убедительностью этически выстроенного характера.

Интересно прорисовано и отношение к материальному достатку. Как пишет Гончаров, «беда франту и льву без денег: тогда они - ничто. Франт и лев, лишаясь средств быть франтом и львом, обращаются в свое первобытное, природное состояние и, исчезнув с горизонта хорошего общества, теряют всякое значение». Напротив, человек хорошего тона и порядочный человек не обязательно нуждаются в средствах, чтобы оставаться самими собой. Они и в бедности, и в неизвестности сохраняют утонченные манеры, умение общаться с людьми и - если речь идет о порядочном человеке - нравственные правила: «Они, как драгоценные алмазы, могут затеряться в пыли, не утратив своей ценности».

Очерки Гончарова по жанру представляют собой классический трактат о моде, который в европейской литературе развивали Бальзак, Барбе д'Оревилли, Бодлер и Теофиль Готье. Из этих авторов Гончарову, пожалуй, наиболее близок по духу Бальзак с его «Трактатом об элегантно́й жизни» (1830). Не исключено, что Гончаров в той или иной форме был знаком с этим произведением Бальзака. Во всяком случае, ключевые постулаты обоих текстов концептуально сходны - вспомним хотя бы бальзаковские определения элегантно́сти как «изыщества во всем, что находится в нас и вокруг нас»; «искусства по-умному тратить деньги» или излюбленную идею французского романиста о том, что «человек элегантно́й готов принять

гостей в любую минуту... никакое посещение не может застать его врасплох». Да и по стилю мышления Гончаров весьма напоминает Бальзака - оба писателя любят выстраивать системы типажей и рассуждать, опираясь на свои классификации.

Литература

1. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / И. А. Гончаров. - СПб.: Наука, 1997. - Т. 1. - 831 с.
2. Барт Р. Дендизм и мода / Пер. С. Н. Зенкина // Р. Барт Система моды. Статьи по семиотике культуры. - М.: Изд-во Сабашниковых, 2003.
3. Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. / А. И. Бегунова. - М.: Молодая гвардия, 2000.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. - Л.: Лениздат, 1992.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. - М.: Рудомино, 1995.
6. Вайкс А. Энциклопедия азартных игр / А. Вайкс. - М.: Ефрат, 1994.
7. Вайнштейн О. Б. Откуда берется пыль? Семиотика чистого и грязного / О.Б. Вайнштейн // ArborMundi.- 1998. - №6. - С. 153-170.
8. Вайнштейн О. Б. Жизнетворчество в культуре европейского романтизма / О. Б. Вайнштейн // Ученые записки РГГУ. - Вып. 2. - М.: Изд-во РГГУ, 1998. - С. 161-187.
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. - СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
10. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. - М.: Гнозис, 1992.